

С.С. Крюкова

Советская доколхозная деревня между традиционным и новым обычным правом*

Советская эпоха все более привлекает внимание исследователей. На волне подъема интереса к этому периоду российской истории, его переосмысления очевидна необходимость конкретно-исторического изучения многообразных форм преемственности и прерывистости его правовой традиции, представляющей одну из фундаментальных основ социального развития. Обычное право, вокруг которого была сфокусирована общественная и научная гуманитарная мысль дореволюционной России, сегодня воспринимается как «родимое пятно» специфически русского пути развития. Оно же — неотъемлемая часть правового дуализма России, который заключался в «параллельном существовании двух правовых систем». Имеется в виду наличие в российском законодательстве норм, заимствованных из Кодекса Наполеона и Германского гражданского уложения, наряду с комплексом неписаных самобытных правовых норм, которыми руководствовалось крестьянство, составлявшее большинство населения¹. Именно обычное право положено в основу моделирования русской правовой традиции. Более того, пространство его доминирования, преодолев сословные границы, было значительно расширено, распространено на все российское общество: «Формула российской правовой традиции... модель традиционного обычного права, радикально преобразованная модернизацией Нового времени»².

Вместе с тем в отличие от обычного права русских крестьян в XIX в., которое изучено довольно густо, его последующее развитие в XX в. освещено слабо. В советский период, когда господствовал этатистский подход в интерпретации права под лозунгом «диктатуры» социалистического права, эта область неписаного социального саморегулирования оставалась вне поля зрения науки. В характеристиках советской правовой системы вопрос об обычаях как источнике права был разве что предметом для дискуссий — мнения варьировались от полного его отрицания до «значительного использования в практике советского государственного строительства»³. Доминирующим в правовой советской доктрине стало признание обычая в качестве отошедшей в историю формы права. В духе этой интерпретации сложилась и трактовка обычного права как санкционированных государством, узаконенных писаным правом обычаев⁴.

Признание за обычаями постоянно действующей (вне законодательных предписаний) регулирующей силы в обществе, обладающей нормативным правовым характером, было сформулировано преимущественно в работах антропологов, занимающихся изучением актуальных ныне правовых традиционных устоев и их трансформацией у различных народов, и способствовало оформлению новых научных понятий и направлений (антропология права, юридическая антропология, юридическая социология)⁵.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00196

¹ Медушевский А.Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? М., 2014.

² Там же.

³ Колесников Е.В. Обычай как источник советского государственного права // Правоведение. 1989, № 4. С. 19—25.

⁴ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 31—33.

⁵ Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002; Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999; Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Бочаров В.В. Антропология права. Статьи, исследования. СПб., 2013; Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М., 2014 и др.

Б.В. Иогансон. Советский суд. 1928 г. Источник: <https://cyrillitsa.ru>

Одновременно появился ряд новых терминов для обозначения неписаных правил, которым следуют в тех или иных сообществах. «Теневое право», «негативное право», «фактическое право», «неофициальное право», «антиправо», «предправо», «псевдоправо», «параправо», «переходное право», «неформальное право», «живое право», «правовая фикция», «правовой нигилизм» — это отнюдь не полный перечень понятий для обозначения тех проявлений современной правовой жизни, которые выходят за рамки официального государственного регулирования и не вписываются в установленное законом правовое поле.

Вопрос о месте и значении обычного права в жизни советской деревни до сих пор не прояснен, хотя этот период обеспечен большим объемом разнообразных по происхождению и характеру источников. В отличие от XIX в. для его реконструкции появилась возможность привлечь аутентичные свидетельства устной истории. В настоящей работе помимо законодательных использованы как архивные письменные источники (крестьянские дневники, письма, жалобы, материалы крестьянских органов самоуправления, документы исполнительных органов, политические сводки власти), так и опро-

сы сельского населения, проведенные в ряде регионов России.

Советский историографический багаж также предоставляет солидные наработки для анализа. И хотя собственно обычное право доколхозной советской деревни почти не привлекало специального внимания исследователей, нельзя обойти вниманием работы, так или иначе касающиеся этой темы. Притом что сегодняшний антропологический подход к теме подразумевает весьма широкую ее трактовку как правовой культуры в целом. Под обычное право русских крестьян подпадает в таком случае необъятный круг их взаимно- и правоотношений, регулируемых вне законодательных предписаний, как внутри самог крестьянского сообщества, так и в его коммуникациях с внешним миром. Поэто-

му к этим исследованиям можно отнести весьма обширный список работ и о состоянии постреволюционной крестьянской общины, и о развитии земельных отношений в советской деревне, и об изменениях в судостроительстве и юстиции в этот период, и о трансформации семейного права и др. И все же центральное место в библиографии, посвященной советской деревне, занимает ее основной социальный институт — община⁶. Именно в рамках общины реконструируют те или иные стороны правового состояния крестьян и доколхозной советской деревни тоже. Причины такого пристрастия ученых заключены в т.ч. в самой социальной структуре деревни, в исторически и фактически обусловленной значимости общины в ее повседневной жизни, в практике крестьянских правоотношений. Тем более что дореволюционная русская община получила в историографии разностороннее освещение и как орган крестьянского самоуправления, и как хозяйственно-экономический союз земледельцев, и как особый тип культурного сообщества. В целом, не будет преувеличением сказать, что традиционное обычное крестьянское право во многом было «общинным»: само общество вырабатывало образцы моральных

⁶ Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. 1958. № 3; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., Наука, 1977; Вознесенская Е.И. Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917—1930 гг.) Дис. ... канд. ист. наук Ижевск, 2008; Безгин В.Б., Юдин А.Н. Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы // Социодинамика. 2013, № 2.; Леконцев О.Н. Крестьянская община в первой половине 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1; Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община (1920—1933 гг.). М., Мысль, 1976; Федотов А.В. Крестьянская община в тульской деревне периода НЭПа (1921—1928 гг.). Дис... канд. ист. наук. Тула, 2011; Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917—1922 гг.) // cyberleninka.ru; Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х гг. Дис.... Канд. ист. наук. М., 1998 и др.

и правовых норм, обеспечивало их реализацию, формировало мировоззрение крестьян.

Обычное право русской деревни — и прежде всего крестьянский опыт «управления» землей и общественного самоуправления в целом — складывался из поколения в поколение и представлял собой незаменимый инструмент постоянной адаптации крестьян к переменам и потрясениям. Разумеется, 1917-й год внес в эволюцию этого опыта свои коррективы. И все же важнейшим для деревни и в 1920-е гг. оставался земельный вопрос. Являясь системообразующим, базовым в формировании крестьянского образа жизни, он и после революции аккумулировал в себе разные его аспекты, включая регулирование жизнеобеспечения, экономику крестьянского двора, систему коммуникаций и представлений. В этой связи необходимо выяснить, как деревня отреагировала на радикальные перемены? В какой мере эти преобразования пошатнули ее обычно-правовые устои? Каким образом эти устои помогли деревни пережить период слома старого порядка?

Советское государство утвердило новый земельный статус деревни посредством ряда законодательных установлений⁷. Несмотря на декларирование революционного переустройства деревенского миропорядка, земельные отношения в ней еще долго демонстрировали черты преемственности с отсылкой к обычаю. Более того, один из первых советских документов, непосредственно касавшийся деревни, — Декрет о земле — фактически легализовал начавшийся после Февральской революции «черный передел», узаконив крестьянские обычно-правовые представления о справедливости уравнильно-трудового землепользования. В его основу лег «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных местными депутатами на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 г.» Суть преобразований заключалась в отмене помещичьей и любой иной частной собственности на землю: земля отчуждалась безвозмездно и обращалась во всенародное достояние, соответственно переходила в пользование всех трудящихся на ней. Конфискация помещичьих имений, переданных в распоряжение земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, должна была быть проведена под строгим контролем: порча конфискуемого имущества объявлялась тяжким преступлением, «караемым революционным судом». Распределением земли должны были заведывать «местные и центральные самоуправле-

ния, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями». Запрет на частную собственность на землю вполне соответствовал крестьянским представлениям о том, что вся земля Божья, а потому частновладельческое право на нее противозаконно. Кроме того, в управлении земельным фондом на низовом уровне, как и раньше, ответственная роль отводилась сельской общине.

Согласно Декрету, землепользование носило уравнилительный характер, т.е. земля должна была распределяться между трудящимися по трудовой или потребительной норме в зависимости от местных условий. Тем самым был защищен важнейший принцип обычного права — вариативность нормы. Относительно форм землепользования была провозглашена полная свобода — были признаны подворная, хуторская, общинная, артельная формы землепользования. При этом право выбрать ту или иную форму оставалось за крестьянами — «как решено будет в отдельных селениях и поселках». Таким образом, создавались благоприятные условия для следования традиции. Декрет продолжил эту законодательную линию и в вопросе о перераспределении земельных угодий: признание получили его официальные обычно-правовые механизмы — переделы («земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения»), переселения («если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению»), а также первоочередное право родственников на земельный участок выбывшего из общины.

После революции использование наемного труда отныне было запрещено. Вместе с тем был узаконен традиционный институт крестьянской взаимопомощи: в случае бессилия того или иного крестьянина в течение двух лет сельское общество обязано было помочь ему с (общественной) обработкой земли. Общественная поддержка была обещана и пострадавшим от «имущественного переворота», но лишь на время, необходимое для того, чтобы они смогли «встать на ноги». В вопросе о переселении также отталкивались от прежних обычно-правовых стратегий, нацеленных на то, чтобы обезопасить крестьянское сообщество от нежелательных элементов. Выселяли безземельных крестьян, желавших выйти из общины; порочных членов общества; дезертиров и проч.;

⁷ Декреты советской власти. Т. 1–2. М., 1957–1959; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. М., 1954.

наконец, по жребию или по соглашению. Известно, что дореволюционная община еще со второй половины XIX в. использовала этот легальный механизм «самоочищения» — «удаления из общества вредных и порочных членов его»⁸.

В следующем документе советской власти, регулирующем земельно-имущественные отношения в деревне, — «Основном законе о социализации земли» от 27 января (9 февраля) 1918 г. — нашел свое отражение главный приоритет обычного права — обеспечение хозяйственной дееспособности каждого крестьянского двора⁹. Развивая основные положения Декрета о земле, новый закон предписывал производить его на уравнилельно-трудовых началах так, чтобы потребитель-

но-трудовая норма соответствовала «исторически сложившейся системе землепользования» и в то же время давала бы возможность «безбедного существования семье земледельца»¹⁰. Инструкция по распределению земли опиралась на системы землепользования, «исторически сложившиеся в данный хозяйственный период»¹¹. Закон передал функции распределения земель сельским, волостным, уездным, губернским, областным, главным и федеральным земельным отделам Советов согласно их компетенциям. По новому порядку в первую очередь наделяли безземельных и малоземельных, во вторую — новоприбывших в данную местность крестьян, затем — неземледельческое население.

Право пользования землей для занятия сельским хозяйством было предоставлено сельскохозяйственным коммуна и товариществам, сельским общинам, отдельным семьям и лицам (Ст. 20). При этом в специальной статье закона было зафиксировано, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика отдает преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным (Ст. 35). Таким образом, уже в 1918 г. был взят курс на отход от прежней формы крестьянского хозяйства и заложена основа для последующей коллективизации деревни.

Еще более отчетливо политическая линия новой власти в предпочтении коллективных форм сельского хозяйства проступила в «Положении о землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г., в котором подробным образом регламентировался порядок организации совхозов и сельскохозяйственных коммун: «Необходим переход от единоличных форм к товарищеским... на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие» (Ст. 3). Он уже настоятельно призывал крестьян к отказу от единоличного хозяйствования.

⁸ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 г. // Реформы Александра II. М., 1998. С. 48.

⁹ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начало XIX в. М., 1984. С. 244.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. Ст. 12. С. 409.

¹¹ Там же. С. 412.

В новом Земельном Кодексе 1922 г. налицо тенденция возврата к передельной общине, ориентации на традицию в решении земельных вопросов на нижайшем, базовом уровне (т.е. на уровне основной экономической ячейки нового государства — крестьянского двора). Советское законодательство унаследовало порядок и терминологию сельского самоуправления: распорядительная функция в решении земельных вопросов была закреплена за сходом — общим собранием крестьян. При этом решение принимали голосованием — «за» должно было проголосовать не менее двух третей участников собрания. Состав собрания формировался по новым правилам: Ст. 52 разрешала участие в сходе всем землепользователям не моложе 18-летнего возраста безразлично мужского или женского пола.

Представителем двора по хозяйственным делам, как и прежде, считался домохозяин (мужчина или женщина). В случае его нерадивости, повлекшей за собой разорение двора, домохозяин мог быть заменен кем-то другим из состава семьи по заявлению ее членов и заключению сельсовета (Ст. 69). Фактически это было направлено на поддержку благополучия крестьянского двора (как и в дореволюционной деревне). За расточительность и «нетрезвую жизнь» большака также могли лишиться его статуса. За это и за неуплату казенных податей приговаривали к чувствительному, чрезвычайно позорному в глазах общины наказанию — порке розгами¹².

Узаконивая передельный механизм с целью обеспечения уравнительного землепользования, советская власть сузила распорядительные полномочия крестьян, лишив их частной собственности на землю. Отныне все земли составляли собственность рабоче-крестьянского государства (Ст. 2). Крестьянину же было предоставлено право пользования ими, но не владения: покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли были запрещены и приравнены к уголовному преступлению (Ст. 27).

Земельные права и обязанности землепользователей и их объединений определялись общими законами РСФСР, Земельным Кодексом, узаконениями и распоряжениями, издаваемыми в его развитие, а для земельных обществ — также их уставами (приговорами) и *местными обычаями, когда их применение не противоречило закону* (Ст. 8). Прямые отсылки к обычаю

звучали и в статьях, регулирующих земельные вопросы в ситуациях раздела двора и определения размера имущественных долей: «Разделу подвергается лишь имущество общего пользования и по требованию отдельных лиц двора из раздела исключается имущество их личного пользования, относительно которого ими будет доказано, что оно приобретено на личные средства, а также то имущество, которое признается личной принадлежностью отдельных членов двора *по местным обычаям*» (ст. 77); «При разделах земель в обществах с общинным порядком землепользования земельные доли делящихся членов двора определяются соразмерно разверсточным единицам, во всех остальных случаях — *согласно существующему обычаю, поскольку он не противоречит закону*» (ст. 84). При этом во всех случаях раздела члены двора мужского и женского пола имели равные права¹³. Таким образом, в регулировании земельно-имущественных отношений между крестьянскими дворами советское право, с одной стороны, следовало дореволюционным схемам «обычного права», признававшим авторитет местных обычаев при решении имущественных дел в крестьянской семье. С другой — устанавливая принцип равноправия мужчин и женщин в наделении землей, общественном самоуправлении и семейных взаимоотношениях, дискредитировало традиционную гендерную иерархию в общине, базировавшуюся на главенстве мужчины.

Закрепленные советской властью конфискации помещичьей земли и «черный передел» завершились к 1919 г.: было распределено 17,2 млн десятин земли, из которых 95,3 % получили крестьяне, 0,8 % — коммуны и артели, 3,9 % — совхозы, фабрично-заводские коллективы, больницы, школы и др. учреждения¹⁴. А в 1922 г. Земельный Кодекс утвердил процесс поравнения земель между волостями и селениями, запретив все дальнейшие ее переделы. Отныне центр тяжести в земельных спорах переместился на урегулирование внутриобщинного движения угодий, притом оно не только не прекращалось, но провоцировалось новым правом.

Анализ законодательства первых лет советской власти показывает его крайнюю противоречивость в сфере крестьянского землепользования. Это проявлялось и в непоследовательности норм, и даже иногда в их взаимоисключающем характере.

¹² Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 148.

¹³ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. М., 1954. С. 163.

¹⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998. С. 72.

Крестьяне обсуждают декрет о земле.
Источник: cyrillitsa.ru

Воплощение новых законов в жизнь было делом не менее сложным. Крестьяне болезненно реагировали на перемены. В своих письмах-обращениях к власти, направленных, например, в редакцию «Крестьянской газеты», они передавали суть происходящего емко и образно: «Получается так — закон на закон, закон через закон и законом по закону»¹⁵. Много вопросов у крестьян вызывали разделы дворов. Они не находили на них ответа ни в обычае, ни в законе: «В деревне часто происходит дележ имущества, и при дележах обыкновенно происходит ругань из-за долей, потому что никто не знает закона, а кто желает узнать закон, то нужно идти в волость, что очень невыгодно, потому что зря убиваешь время»¹⁶.

Рассогласованность и даже конфликт законодательных требований особенно резко проступали во взаимодействии разных отраслей права, прежде всего, земельного и семейного, — важнейших, фундаментальных, неделимых основ жизнедеятельности крестьянского двора. Согласно дореволюционной обычно-правовой традиции, усадебный и полевой наделы, жилищно-хозяйственный комплекс, земледельческие орудия, рабочий скот, домашняя утварь, часть одежды и деньги находились в общесемейном владении. В рамках этой традиции женщина не обладала правом на земельный душевой надел: при разделах и наследовании общесемейного добра на ее долю выпадала определенная часть недвижимости толь-

ко при наличии детей мужского пола. «Женское» право на собственность распространялось лишь на приданое и некоторое имущество, заработанное в свободное от семейных работ время, а также на вещи, полученные в дар или по наследству.

Предоставив женщинам и мужчинам равные имущественные права, в т.ч. в праве на землю, советская власть подвергла испытанию один из основных принципов обычного права — приоритет коллективных / общесемейных интересов над индивидуальными, а также мужского над женским. Новые принципы советского семейно-брачного законодательства были также направлены на эмансипацию женщины и разрушение прежней

организации семейных связей. Революционные декреты отменили ранее обязательный церковный бракоразводный процесс. Семейно-брачный кодекс 1918 г. манифестировал полную свободу регистрации и расторжения брачных уз. (Это не замедлило сказаться на бракоразводной статистике.) Только за первые три месяца действия декрета о разводе в 16 губерниях было подано свыше 10 тыс. заявлений¹⁷. (Возможно, в первую волну попали уже фактически разведенные по обычаю супруги, желавшие лишь подтвердить свой статус документально.)

Разводы провоцировали имущественные, в т.ч. земельные разделы, в которых женщина теперь выступала как равноправная сторона. Семейный кодекс 1926 г. гарантировал защиту материальных интересов женщин, не только состоявших в официальном браке, но и проживавших в незарегистрированном / фактическом браке. В раздел поступала как вся имевшаяся у двора земля (включая усадебную), так и все его «хозяйственное обзаведение (постройки, жилой и мертвый инвентарь, продукты питания, вещи домашнего обихода и прочее имущество)». Исключение составляли вещи личного пользования отдельных членов семьи (одежда, обувь и пр.)¹⁸. Замужние женщины наравне с остальными взрослыми членами двора были вправе отныне требовать земельно-имущественного раздела общего хозяйства.

¹⁵ Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. М., 2001. С. 133.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М., 1949. С. 419, 421.

¹⁸ ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 6650. Л. 2.

¹⁹ ГАРО. Ф. Р-375. оп. 1. Д. 4.

Владимир Серов. Декрет о земле. 1957

В 1922 г. постановлением 3-й сессии ВЦИК 9-го созыва крестьянские имущественные тяжбы, связанные с землей и находившиеся ранее в компетенции судебных органов, перешли в распоряжение специально учрежденных земельных комиссий (волостной, уездной и губернской), которые действовали при местных исполнительных органах власти. Материалы губернских и уездных земельных комиссий свидетельствуют об активной практике передела земель. Так, Рязанской губернской комиссией в 1928 г. было рассмотрено 440 тяжб, отразивших насущные проблемы крестьян. В их число вошли дела о лишении землепользования и наделения землей, о спорных усадебно-огородных участках внутри деревни и между обществами разных сел, о перечислении и принятии в состав общины крестьян и др.

Земельно-имущественные споры, сопровождавшие семейные разделы, составили наиболее многочисленную группу дел из общего числа тяжб: 172 дела из 440 были инициированы в связи с разделами дворов¹⁹. Среди них наибольший процент пришелся на супружеские разделы (48 из 172 или 28 %). Большинство разбирательств было связано с разделами в результате прекращения совместного проживания супругов (46 дел из 48). При этом из 48 супружеских тяжб лишь в двух случаях иски о разделе имущества были возбуждены мужчинами. Подавляющую часть заявлений с земельно-имущественными претензиями на низовом уровне (в волостную комиссию) подали женщины. 38 из 48 тяжб, т.е. 79 % от общего числа супружеских споров, завершились победой женской стороны. Эту тенденцию характеризуют и объясняют сами формулировки решений: «в

пользу обездоленной истицы», «поставлено в защиту слабейшей стороны - женщины, оставленной мужем после кратковременного сожительства». Вместе с тем «слабейшая» сторона высказывалась порой весьма решительно, вполне в духе времени, ссылаясь на «непринужденность брака» и несоответствие принятых решений «понятию к свободе личности»²⁰.

Помимо выдела из общего хозяйства строго соблюдали право женщины на личную собственность. Так, при разделе крестьянки Екатерины Семеновой с мужем помимо доли из общего имущества двора она потребовала возврата 100 рублей, взятых у нее в долг супругом при вступлении в брак. Решением земельной комиссии Екатерине была возвращена упомянутая сумма, а также выделены имущество на 145 руб. и земельный надел (хотя ее земельный надел не перешел в дом мужа после свадьбы)²¹.

Сельское общество было вправе контролировать имущественное перераспределение. Официальный порядок осуществления и утверждения раздела требовал его обязательного согласия, хотя в действительности соблюдение или несоблюдение этой формальности не всегда оказывали влияние на результат тяжбы. При определении долей учитывался полный состав двора, производилась оценка его общей стоимости и строго фиксировался размер выделяемого имущества. Раздел земли любого домохозяйства должен был производиться из расчета по едокам. Вопрос об усадьбе решали по-разному: либо она доставалась женской стороне, либо супруг выплачивал часть ее стоимости деньгами, а общество выделяло крестьянке новый участок для строительства отдельного двора, либо усадебное владение делили. К документам обязательно прилагалась подробная опись на движимость и недвижимость. Так, например, крестьянке д. Нудовни Марии Бакуниной после раздела с мужем 14 августа 1928 г. было выделено имущество на сумму 876 руб.: сруб размером 6х3 (175 руб.), доски 46 шт. 5-7 арш. (50 руб.), доски 24 шт. Зарш. (15 руб.), тес 49 шт. (12 руб.), амбар 6х6 (40 руб.), лошадь (125 руб.), телка (60 руб.), телка (12 руб. 50 коп.), таратайка на железном ходу (15 руб.), сани развалыные старые (12 руб. 50 коп.), запряжной хомут (20 руб.), 1 дуга (1 руб. 25 коп.), 2 овцы с ягненок (15 руб.), 1 кадка дубовая (5 руб.), ларь

²⁰ ГАРО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 4. Л. 826-827, 883-884, 145-146.

²¹ Там же. Л. 248-249.

новый (10 руб.), 2 сковороды (75 коп.), 2 ведра (1 руб.), швейная машина (30 руб.), шуба (10 руб.), 1 халат (7 руб.50 коп.), шерсти 3 фунта (4 руб.50 коп.), проса 9 пудов, картофеля 90 мер, муки 6 пудов, сена на 3 едока 27 пудов, деньгами 129 руб. Усадьба в данном случае осталась у супруга и его брата, а «гражданке Бакуниной как выходящей на новую усадьбу», решили компенсировать ее стоимость деньгами (100 руб.)²².

Важнейшим являлся факт выделения супруге из основного хозяйства — земельного и усадебного наделов, а также существенной части общесемейного имущества (включая недвижимое). При этом такие решающие факторы, как наличие и количество детей, других членов двора и его состоятельность влияли лишь на размер выделяемой женщине доли. Однако само по себе принципиально положительное решение дела в пользу крестьянки не зависело в подавляющем числе тяжб ни от наличия детей, ни от структуры семьи, ни от ее благосостояния.

В дореволюционной деревне наличие всевозможных внутрисемейных конфликтов личного характера (которые могли вылиться в избивание жен, наказание их за своевольный уход из дома, обвинение мужей в пьянстве и расточительном образе жизни и пр.) уравнивалось отсутствием споров между супругами по поводу недвижимости. У крестьянки отсутствовало само право на долю общесемейного добра (в первую очередь на землю) при отсутствии у нее детей мужского пола. Однако более существенным было то, что не возникало самих условий и оснований для реализации этого гипотетического права. Хотя церковно-государственное право допускало возможность расторжения брачного союза при наличии ряда особых обстоятельств (поступление в монашество одного из супругов; отсутствие одного из супругов в течение 5 или 10 лет (в случае пленения); неспособность мужа к супружеской жизни, если сам неспособный подавал об этом заявление; прелюбодеяние), «законные» разводы в деревне, как правило, не оформляли. Даже если супружеская пара фактически прекращала совместное проживание (а такая практика «расходок» к концу XIX в. участилась), проблемы владения имуществом регулировались крестьянским обществом и самой семьей без вмешательства законодательной и судебной власти. Поэтому имущественные иски от женщин поступали в волостные суды лишь после смерти мужей.

Патернализм новой власти по отношению к крестьянке еще более рельефно проступал в ситуациях раздела снох со свекрами: из 20 тяжб подобного рода лишь две были решены в пользу свекра, остальные — в пользу крестьянок. И здесь инициатором раздела выступала женщина. Так, например, Елизавета Матюгина, ссылаясь на то, что «после двух с половиной лет супружества муж сошелся с другой, а ее выгнал из дома», заявила о разделе со свекром²³. Из общего имущества двора в 2576 руб. 40 коп. при составе двора 15 человек истце было выделено соответствующее количество хлеба, наделная земля и имущество на 290 руб. В ответном иске возмущенный свекр Алексей Личагин с жалобой на решение волостной земельной комиссии (далее — ВЗК) указывал на нарушение инструкции о семейных разделах: отсутствие заключения сельсовета о целесообразности раздела, неспособность истцы к самостоятельному ведению хозяйства, отсутствие остальных членов двора на заседании комиссии и др. Тем не менее опротестование Личагиным решения ВЗК осталось без последствий: уездная земельная комиссия (далее — УЗК) и Рязанская губернская земельная комиссия (далее — РГЗК) подтвердили справедливость выдела, признав отступления от инструкции формальностью. Указание на «зачиточность хозяйства жалобщика и принадлежность его к кулацкому элементу деревни» стало надежным основанием для защиты интересов снохи и обеспечило перевес в пользу последней. В подобных ситуациях очевидна правовая самостоятельность земельных комиссий, отступавших от формальных юридических норм, но ловко и своевременно при этом использовавших лозунг времени — «классовый подход».

Развод с мужем по воле жены также мог стать основанием для получения ею доли из общего хозяйства неразделенной семьи, причем доли весьма существенной. Так, Анна Дорохина, прожив в браке всего около года, ушла из дома с ребенком и подала имущественный иск к свекру, заявив, что «муж бьет ее, почему она вынуждена была уйти»²⁴. При составе семьи 10 человек и оценки хозяйства в 1609 руб. 50 коп. Анна получила малую усадьбу с избой и двором, а также телку (всего на 355 руб.).

Раздел двора осуществлялся по иску крестьянок иногда даже в тех случаях, когда для общего хозяйства он оказывался разрушительным и не соблюдал инструкцию о разделах, запрещающую

²² Там же. Л. 163.

²³ Там же. Л. 65—66.

²⁴ Там же. Л. 395—396.

образование маломерных усадебных землепользований. Примером подобной чрезвычайно затянувшейся тяжбы является семейный раздел между Акулиной Моховой и ее свекром Игнатом Моховым²⁵. История этого спора развивалась на протяжении двух заседаний ВЗК, двух рассмотрений на УЗК и завершилась, наконец, заключением РГЗК в пользу Акулины. Ввиду маломощности хозяйства первое решение ВЗК о выделении истце с сыном имущества на сумму 210 руб. было отменено УЗК, дело пошло по второму кругу. В противоречивости решений по этому делу нашел любопытное отражение конфликт различных по своему происхождению и содержанию правовых норм. С одной стороны, инструкции новой власти о запрете разделов маломощных дворов (что совпадало всегда с экономическими интересами общины — обычное право не допускало семейных разделов в случае возникновения угрозы благосостоянию двора). С другой — новые правовые установления неизменно защищали женскую сторону, даже если решение было принято вопреки, а не согласно обычным нормам или официальным предписаниям.

Было бы преувеличением утверждать, что такого рода постановления, приводившие к образованию экономически слабых хозяйств, являлись массовыми. В определениях РЗГК за 1928 г. в одном из разбирательств раздел был признан невозможным именно по причине маломощности двора, а истце было отказано в ее просьбе²⁶. Однако на фоне последовательно выстраиваемой защиты интересов «слабейшей» стороны дел, заканчивавшиеся ее поражением, выглядят скорее исключением из правила. Имущественное право женщины-снохи охранялось решениями земельных комиссий нередко откровенно в ущерб интересам мужской стороны (в лице свекра). Присуждение основного хозяйства женщине в тяжбах снох со свекрами было делом вполне реальным. Снохи это иногда использовали²⁷.

Таким образом, лозунги и законы новой власти о равноправии и свободе женщины (распределение земли по едокам, право каждого члена семьи вне зависимости от пола и возраста на раздел и равную долю имущества) были нацелены на уничтожение прежнего «патриархального» обычая. Безусловный перевес количества исков со стороны женщин по вопросам имущественных разделов свидетельствует об изменившемся положении крестьянки в обществе. Новые органы власти проводили откровенно проженскую и «не-обычную»

политику (особенно на губернском уровне), нацеленную на поддержку «слабейшей» стороны. Сама по себе принадлежность к женскому полу обещала успех в имущественном споре. Аналогичную функцию выполнял и «классовый подход». Прежние («традиционные») обычно-правовые нормы, ограничивавшие имущественную правоспособность крестьянки, уходили в прошлое: правовые привилегии явно выбрали сторону женщины. Так, если ранее обычно-правовая практика была ориентирована на поддержку «слабейшей» стороны — тяглосьпособного двора, возглавляемого мужской-домохозяином, то в 1920-е гг. формула «слабейшая сторона» явно обрела выраженную феминистическую окраску.

То обстоятельство, что «женщинам иногда бывает больше снисхождения» со стороны местных органов власти, встречало крайне негативную реакцию со стороны пожилых, особенно мужской части деревни. Так, среди писем крестьян 1920-х гг. в «Крестьянскую Газету» нередко попадаются жалобы на «несправедливые» постановления земельных комиссий и народных судов и на то, что «женщине дадены лишние права». Свой, «мужской», взгляд на правду жизни с обидой излагал один из крестьян: «Человек женится и регистрирует сделает все хорошо, только есть поговорка «у женщин волосы длинные да ума короткие»... не хочет исполнять жена совет мужа и начнется спор, что закон есть женский и готово раздел. Суд присудит женщинам платить по имущественному положению. Значить придет в замуж на все готовое и возмет часть имущества такой порядок неправильный»²⁸.

Крестьяне приводили в письмах примеры из личной жизни, где недвусмысленно ставили в вину женской половине сознательное разрушение семейных уз: «Очень хорошая Советская власть на все отношения, но на одно плохо ... Большое распускание дано женщинам... в 1925 г., 16 января, я женился. Мне всего только исполнилось тогда 18 лет. Женился я на пожилой девице лет 24. Пожила она месяца два как и полагается, а на третьем месяце начала жить на свою аферу: уходит с вечера после управы по хозяйству и ходит до полночи и больше. А если что скажешь, она сейчас и заткнет горло: «Сейчас Советская власть, куда хочу, туда и иду». Поморочился я с ней, а все-таки на четвертом месяце женитьбы пришлось развестись... в 1926 г., 18 февраля я опять женился на другой девушке, уже разошедшейся с мужем, и опять та-

²⁵ Там же. Л. 177—178.

²⁶ Там же. Л. 325—326.

Чаепитие в Раменском 1928 г. Фото Бориса Игнатовича.
Источник: art.kulture.ru

кая же картина, как и с прошлой. Ни убеждения, ни ласки, ни ругань, ничто не помогает... По этому вопросу нужно издать новый закон, хотя бы сколько-нибудь потеснее, чтобы женщина не так здорово понимала Советскую власть... советую поддержать разнуздавшуюся женщину»²⁹.

Изменения в сознании крестьянки стали лишь одним из проявлений модернизации, начавшейся еще в дореволюционной деревне и продолжившейся в советской. В законодательно поддержанной советской властью политике «освобождения» и «раскрепощения» женщины защита ее имущественного статуса создавала материальную платформу для ее относительно независимого существования и укрепляла в ней веру в освобождение от «домашнего рабства», в возможность ведения самостоятельного хозяйства. Последовательно проводимый советскими исполнительными органами принцип равноправия полов оборачивался для крестьянки и равноправием на тяжелый физический труд. Это вело к разрушению традиции разделения труда в семье на «мужской» и «женский», что встречало критику со стороны мужчин: «это подстрекательство, чтобы женщина не работала на кухне... ведь каждый мужчина не сидит, тоже что-нибудь постоянно работает: то в поле, то на дворе, только не на кухне, и поэтому на кухне

работа совсем не тяжелая – пироги печь. Тяжесть труда в семействе несет более мужчина, а не женщина. О равноправии скажу, что женщина должна быть равноправной, а о распределении труда – женщина должна быть на кухне, а не в канцелярии»³⁰.

Развитие отходничества также создавало предпосылки для изменений в традиционном распределении трудовых нагрузок. Так, по материалам Рязанской губернии, в силу особенно распространенных в ее центральных и северных уездах отхожих промыслов и оттока мужского населения «земледелие подчас полностью сосредотачивалось в руках женщин»³¹. Это вносило свои коррективы во внутрисемейную обычно-правовую иерархию.

Новые законы создавали благоприятные условия для сегментации института семьи и крестьянского домохозяйства и создания женщинами самостоятельных хозяйств, что способствовало увеличению числа семейных разделов, соответственно экономически слабых дворов и неполных семей. Выражая недовольство этой тенденцией, крестьяне связывали ее именно с изменившимся поведением молодого поколения крестьянок: «Что же за причины разделов и оказывается больше всего жены не сживаются хотят быть самостоятельными хозяйками, работать на себя, своих детей, а не на деверей-золовков... Это уже вошло в обычай-привычку вот факт у нас (д. Слободы Смоленская губ. и у. – К.С.) в 1913 г. 170 домохозяев – за 13 лет (письмо датировано 1927 г. – К.С.) увеличилось домохозяев на 66 %... я не хочу тут обвинить женщин..., но известная помеха в этом со стороны женщин есть. Тут надо больше работы среди женщин, серьезнее изучить ее взгляды»³².

О раскрепощении молодежи в 1920-е гг., пренебрежении с их стороны сложившимися традициями свидетельствуют дневниковые записи крестьянина И. С. Рассыхаева. В июне 1923 г. его дочь Елизавета вышла замуж вопреки воле родителей («мы выдать ее вовсе не соглашались и не допускали, так как она была еще молода 17 лет и у нас в хозяйстве не будет работника»), а в январе

²⁷ Там же. Л. 125—127.

²⁸ Крестьянские истории... С. 140.

²⁹ Голос народа... С. 158.

³⁰ Там же. С. 159.

³¹ Рязанская деревня в 1929 – 1930 гг. Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. С. XXV.

³² Крестьянские истории... С. 197.

1924 г. вернулась обратно («пришла с плачем, что ее муж выгнал от себя»)³³. (Описание этой истории развода содержит указания на все еще сохранявшиеся обычно-правовые нормы регулирования имущественных отношений, в частности, на право женщины на личную собственность в виде приданого.) После безуспешной попытки примирения семья все-таки распалась: «я с братом Михаилом увели Лизу в тот же вечер обратно к мужу и просили принять и держать свою жену... Хотя муж и не согласился принять, но как раз выдана честным браком и родители при нас словами не отстраняли и может молодые люди поправятся, мы Лизу оставили... 10 января вечером Лизу опять выгнали окончательно. На следующий день мы привели ее приданные вещи, корову и две выданные овцы. Переданные при выходе Лизы подарки 5 пар чулок, 10 пар рукавиц, 17 арш. холста и проч. приблизительно на 30 руб. стоимости остались. Отдав Лизе и земельный надел, часть хлеба также осталась»³⁴. Как видим, среди возвращенного женского имущества фигурирует и земельный надел (новое право уже разрешало женщине владеть землей).

К супружеским конфликтам приводила и общественная деятельность крестьянок, в которую их вовлекала новая власть. Так, в с. Николиной Балке Петровского района Ставропольского округа «молодая делегатка охотно посещает делегатские собрания но... в отсутствие мужа. Когда тот вернулся с заработков, он категорически воспротивился ей посещать делегатские собрания. Полученная ею недавно делегатская карточка вызвала целую семейную бурю со стороны «главы семейства», сопровождаемую, как обычно, угрозами побоев. В заключение предъявлено требование: «возврати карточку, иначе... развод!»³⁵ В этой связи следует отметить, что в общественном мнении продолжало превалировать патриархальное мнение, что женщина не могла иметь равных прав с мужчинами. Эта позиция влияла и на практику выборов в сельсоветы: «было обращение к гражданам о том, чтобы провести в с/совет хотя бы одну женщину, но наши граждане до сего времени не признают женщину за равноправную мужчине говоря: «что женщина не может ничего смыслить в хозяйственных делах» (Царицынская губ., 8 февраля 1925 г.)³⁶.

Законодательные нововведения вызвали неоднозначный резонанс в крестьянской общине: с одной стороны, они были нацелены на обеспечение равноправного участия всех членов семьи в имуществе и хозяйственной жизни, с другой — меняли прежние представления и установки крестьян. В частности, нарушали обычно-правовые традиции раздела имущества, базировавшиеся на размере трудового вклада каждого в семейное хозяйство. Это находило отражение в возмущенных письмах крестьян в редакции и официальные учреждения: «раздел производится на всех членов семьи поровну кто и работал а кто и совершенно труда мало клал а надел ровный. А при разделе нужно учитывать труд каждого члена семьи сколько он труда положил в хозяйстве такой нужно ему и надел определят. Разделы происходят более через суд а суд разбирает, рас член семьи то и получает равный надел. Через это происходят частые разделы и мельчают беднеет хозяйство а если хозяйство при разделе бедное то становится нищенским» (Оренбургская губ., 22 октября 1927 г.)³⁷.

На общую статистику разукрупнения крестьянских хозяйств влияли и фиктивные разделы, к которым прибегали крестьяне, стремясь избежать налогообложения. Об этой практике сообщали политические сводки об экономическом положении на местах, составлявшиеся для партийного и советского руководства: «кулачество и зажиточные, стараясь избавиться от высокого обложения с/х налогом, широко практиковали фиктивные разделы»³⁸.

На фоне участвовавших семейных разделов нарастал конфликт между старшим и молодым поколениями семьи. Желание молодых обрести независимость, выделиться в самостоятельное хозяйство не всегда совпадало с интересами главы семейства. Прежняя власть хозяина-большака над домочадцами ослабевала. Новые законы вызывали у крестьян желание прояснить или даже оспорить его полномочия: «прошу... ответить мне, какую роль играет отец при семейных разделах. Например такой случай: в семье отец, мать — по старости нетрудоспособные — дочь — 23 лет; сын — 28 лет с женой и тремя малыми детьми... Сын с женой совершенно не принимает никакого участия в с.-х. работе, хотя тут же в одном семействе живут.... Те-

³³ «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева 1902—1953 годы. М., 1997. С. 53—54.

³⁴ Там же. С. 54.

³⁵ Крестьянские истории... С. 179.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 196.

³⁸ Рязанская деревня... С. 95.

³⁹ Крестьянские истории... С. 140—141.

перь сын с женой будучи прямо таки тунеядцами выгоняют из дома стариков и угрожает разделом: отобрать все в половинном размере... имеет ли какой голос, власть отца к сыну лентяю» (крестьянин В. Кузнецов, 1924 г.)³⁹. Молодежь жаловалась, уповая на новые законы: «есть семья, у которых старики тянут за старое право когда какая нибут брань старики вы кто тут вон порог а иди куда знаешь я хозяин! Но некоторым нос срывали подожди старик все равны, что ты то и я что твоя доля и моя и женщине и маленькому дитю все должны делить поровну, но старикам это нинравится, но я всетаки думаю советская власт предусмотрела равенство это справедливо и законно»⁴⁰.

Социальную разобщенность усиливало экономическое расслоение общины, хотя советская власть фактически унаследовала обычно-правовой принцип дореволюционной общины, заключавшийся в наиболее равномерном и справедливом уравнивании экономического положения крестьян. В этом духе она поддерживала в первую очередь «бедняцкие» хозяйства, что лишь порождало напряженность в деревне: «И куда только власть смотрит. Ведь делают только какую-то травлю бедняка с середняком. Вот привезли хлеб и роздали его бедноте, ну а когда они ее накормят. Ведь если они будут вести так далее, то все в бедноту перейдут, распродадут свое имущество и сядут на шею государству»⁴¹.

Вопрос о бедняках и «лодырях» волновал деревню. Об этом свидетельствовали многочисленные письма крестьян, адресованные «Крестьянской правде» и журналу «Красная деревня». В ходе дискуссии по поводу деления бедноты на «бедняков-тружеников» и «бедняков-лентяев» от одного из крестьян поступило предложение применять к «лентяям» меры воздействия в форме общественного порицания на сходах. Оно было встречено одобрением подавляющей части крестьянской аудитории⁴². В этих настроениях видна прежняя ориентация крестьян на сохранение дисциплинирующих функций общины, столь характерных для дореволюционной деревни. Вместе с тем в крестьянских обращениях превалирует традиционный взгляд на собственность как на результат своего труда: «хочу бросить упрек местной власти в том, что они плохо разбираются

кто действительно бедняк и кто лодырь. Вот эти то лодыри и возмущают трудовой слой деревни, середняка, которому приходится на своих, больных от работы плечах во всех случаях вести этих самых лодырей, мнимых бедняков... много таких примеров есть, которые не справедливо получают льготы и скидки»⁴³.

Дифференцированный классовый подход новой власти к крестьянам провоцировал вражду между ними. Очевидным было недовольство середняков, остро реагировавших на то, что бедняки имели преимущества в снабжении семенами, получении различных ссуд, освобождении от некоторых налогов. Средние и зажиточные хозяйства слабели. Да и бедняки, окрепнув, недоумевали: «почему власть сначала помогает бедняку, а как только он начинает подниматься по хозяйству, его осаживают»⁴⁴. А самые бедные ратовали за радикальные методы, уже апробированные в ходе революции: «нужно осмотреть закрома у богатей. Советская власть должна реквизиовать весь хлеб у богатых, только тогда беднота спасется от голода»⁴⁵.

Поляризация мнений в деревне аблюдалась и в оценках самой общины. Одни крестьяне высказывались за ее разрушение: «1. общена это крепостное право 2. общена рабыня старинных обы-ях 3. община рабыня мот-гулянок 4. общена рабыня праздников и хулиганства... все наше несчастье только община... нам крестьянам нужно разрушать общину... это одно старое зло только и осталось»; «в общине все лентяи, в общину записывается тот, кто работать не хочет». Другие, напротив, выступали в ее защиту, считая общину «целесообразной и незаменимой», «лучшим хозяином»⁴⁶.

В 1920-е гг. нарастал конфликт и в сфере аграрных технологий — между защитниками традиционных переделов и сторонниками многополья / соответственно улучшения обработки земли, использования удобрений. Об остроте этого противостояния свидетельствует громкое дело середины 1920-х гг. «О преступлении Ивана Грачева», крестьянина, который, «несмотря на сопротивление общины, смог поднять агрикультуру своего хозяйства, и был затравлен односельчанами (избиения членов семьи, издевательства). В отчаянии он поджег родную деревню (включая собственный дом)

⁴⁰ Там же. С. 178.

⁴¹ Рязанская деревня... С. 12.

⁴² Крестьянские истории... С. 225.

⁴³ Там же. С. 224.

⁴⁴ Рязанская деревня... с. 14.

⁴⁵ Там же. С. 20.

⁴⁶ Крестьянские истории... С. 80—85.

и совершил убийства, был приговорен к смертной казни, но помилован по многочисленным письмам крестьян из разных концов страны»⁴⁷.

Разочарование крестьян вызывало обещанное, но так и не реализованное новой властью справедливое поравнение земли. «Вновь у разбитого корыта», — так комментировали ситуацию в деревне после окончания передела земли. Из письма крестьянина в газету «Беднота»: «Если крестьянство до сих пор верило в революцию, так я прямо скажу, что оно ждало мечту крестьянина уничтожить ту допотопную путаницу, которая была при старом капиталистическом строе: мало-земелье, безземелье, чересполосица. До сих пор мы жили хотя надеждами, но теперь все наши надежды рухнули: оставаться на том, что у кого есть, закрепить за теми селениями, которые в их фактическом пользовании находящиеся. Это, товарищи, не ответ и не закон, потому что это не создаст ни у кого уверенности в том, что не сегодня-завтра у него отберут ту землю, которую он имеет, ... один будет иметь 70 десятин и 4 человека, а другой на 6 человек полдесятины»⁴⁸.

Возмущение крестьян вызывали и злоупотребления местной власти при распределении участков: «дельцы земли присвоили себе по лучшей лишней десятинке, а некоторые ловкачи сумели взять себе по 3-5 десятин земли, которая лучше и ближе к селу. Это явно, а тайно они брали, сколько хотели, а чтобы при случае широкая полоса не бросалась в глаза наблюдательному крестьянину, они разрезают такую десятину на 3-4 полосы»⁴⁹.

Как следствие, в деревне распространился самосуд, причем направлен он был на новых «преступников» — в лице представителей местной власти. Он обрел протестный характер. «Власти твердой и суда нет... большевикам надо, чтобы управляли советы и народные комиссары. Но этой последней власти никто не желает и не доверяет. Кажется, расстроенная жизнь нескоро наладится»⁵⁰. На волне растущего недовольства и неверия в возможность законной справедливости крестьяне прибегали к традиционным формам протестного волеизъявления. Но теперь разделенная община обнаружила в своем кругу «классовых врагов». О поджогах на почве «классовой мести»

сообщалось, в частности, в криминальной сводке по Старожиловскому району Рязанской губ. в мае 1930 г.: 30 апреля в с. Насилово-Сазоново возник пожар, коим была уничтожена рига, принадлежащая Секретарю сельсовета... пожар возник от поджога, в чем был заподозрен односельчанин Романов Василий Михайлович, из середняков. Последний... признался и пояснил, что поджог совершил на почве классовой мести, как общественнику»⁵¹. Из различных сел местная власть сообщала о том, что участились случаи поджогов зданий, принадлежавших колхозам и отдельным сельским активистам»⁵².

Разумеется, поводов для подобного рода реакций крестьян было достаточно. Противодействие вызывали многие нововведения и лозунги Советов. Среди них особенно упорное сопротивление со стороны крестьян встречали антирелигиозные мероприятия. Сводки ОГПУ того времени нередко фиксировали выступления крестьян против закрытия церквей, арестов священников, проведения агитационных антирелигиозных вечеров и т.п.⁵³

Нацеленные на борьбу с несправедливостью со стороны новой власти, по своему обрядовому оформлению протестные акции крестьян в 1920-е гг. зачастую копировали традиционный обычно-правовой ритуал. В этом смысле они напоминают позорящие акции дореволюционной общины, когда преступников водили по деревне в сопровождении «барабанного боя в железную меру» или печную заслонку»⁵⁴. Так, 19 марта (1930 г.) крестьяне деревень Панская, М. и Б. Пановка «толпой до 100 человек пришли в село Соловьяновку, где к ним присоединились местные крестьяне, всего до 300 чел.. направились к сельсовету, барабана в ведро, с красным флагом. Сельсовету предъявили требование: “раздать семена и возвратить раскулаченным (кулакам) имущество и скот”. 20-го марта — в с. Соловьяновку снова собралась толпа до 400 чел.... Собравшиеся были вооружены колями. От сельсовета толпа направилась на скотный двор, разобрали скот раскулаченных и их имущество, которое раздали кулакам. Из кулацких домов выгнали вселенных туда бедняков, вселив обратно кулаков». Анало-

⁴⁷ Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 31–32.

⁴⁸ Голос народа... С. 73.

⁴⁹ Там же. С. 76–77.

⁵⁰ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева 1906–1922 годы. М., 1995. С. 177.

⁵¹ Рязанская деревня... С. 601.

⁵² Там же. С. 494.

⁵³ Там же. С. 40–41.

⁵⁴ Якушкин Е.И. Обычное право. Выпуск первый. Материалы для библиографии обычного права. М., 1910. С. XXV.

гичные явления отмечались и в других, соседних деревнях⁵⁵. Атрибуты массового действия заимствованы, как видно, из традиционного обряда общинного самосуда. Обычно-правовая традиция адаптировалась, таким образом, к новому социальному и политическому порядку, расширяя пространство протеста.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что и обычная для деревни форма позорящего самосуда продолжала бытовать и в 1920-е гг. Из воспоминаний старожилов: «у нас водили вора, который картошку копал. Ему навешали картошку, ботву на шею, водили по деревне. Шуми: я вор! А женщина рубаху холстинную утащила у соседки. На нее надели рубаху налицо, поверх ее одежды. Шуми: я воровка! Водили по деревне. Все смеются»; «тут соседи напротив такие богатые были, у них лошадей пять что ли было, он выбрал одну лошадь хорошую и угнал. Раньше паспорта на лошадь не было. Поймали его. Привязали его к хвосту лошади, по деревне водили, осрамили. Он идет отдала, чтобы лошадь его не брыкнула. И народ все стучал и стучал»⁵⁶.

Советская власть также прибегала к общинному опыту публичных наказаний. В частности, наказывала за безнравственное поведение согласно обычаю: «вот женщина у нас уходила от мужа восемь раз. Вот ей чего решил сельсовет. С барабанным боем, с ведрами по деревне водили. Это я помню хорошо. Году в 1920-1921. А она шла низко покрытая, лицо не показывая от стыда. Потом ей дедушка, мне прадедушка, староста говорит: “Ну, говори, еще будешь делать?” Она говорит: “Последний раз, если я еще повторю, тогда меня убивайте”. А после она не стала уходить»⁵⁷.

В 1920-е гг. все так же сурово карали крестьян за конокрадство. Притом крестьяне настаивали на том, чтобы такое наказание было закреплено законодательно. Так, группа крестьян из Нагайбакского района Уральской области в письме в «Крестьянскую газету» обращалась к власти с предложением не применять никаких мер социальной защиты к конокрадам, а приравнять их к государственным преступникам, бандитам-налетчикам: «Мы просим чтобы конокрадов и вообще воров на поруки не давать и не выпускать из

под заключения, применять высшие меры наказания»⁵⁸. В другом письме крестьяне из Сыр-Дарьинской области, ссылаясь на участвовавшие после революции случаи конокрадства, грабежей и убийств, и полагая, что советский закон слишком «легко карает», предлагали «издать более тяжкий закон грабителям и убийцам» (1928)⁵⁹. Так крестьяне пытались оправдать обычно-правовой самосуд, получивший в 1920-е гг. широкое распространение. По их мнению, тяжесть наказания за имущественное и иное преступление должна была соответствовать тяжести нанесенного хозяйству ущерба. По воспоминаниям старожилов из среды старообрядцев, «если украдет, посредине деревни стоял конь и сами лечили-учили проказников. Розги из красного тальника. Наварят с солью в казанах. На эту кобылу ложили... шпарили розгами. В соли проварят в казанах, чтобы когда кровь выступит, чтобы не заразилась кровь. Так он не будет потом пакостить. Это тятя рассказывал... Их проказниками звали».⁶⁰

Принцип «око за око» в ответ на совершенное преступление был вполне справедлив в глазах общины. Поэтому и с поджигателями крестьяне расправлялись чрезвычайно жестоко. Так, в с. Шостьи (Ерахтурский район Рязанской губ.) 28 мая 1930 г. в результате поджога сгорело 6 дворов. Виновная призналась в поджоге из чувства мести: Буркин Герасим взял ее к себе для ведения хозяйства в 1928 г., но по причине постоянного расхищения ею имущества, не захотел с ней жить, потребовал раздела. На ее просьбы о возвращении он отвечал отказом. Тогда она и решилась на поджог. Крестьянка была задержана и отправлена в Ерахтур, однако по дороге подвода с ней была остановлена толпой. Над ней учинили самосуд — убили кольями⁶¹.

Уравнительность как высший принцип справедливости лежала как в основе обычно-правовых представлений крестьян, так и в регулировании крестьянской общиной многих других вопросов, включая земельный, и до и после революции. Накопленный общиной опыт обеспечивал ее устойчивость после 1917 г. Оперевшись на общину, инструментализировав ее традиции, советская власть старалась поддержать баланс в деревне.

⁵⁵ Там же. С. 475.

⁵⁶ Полевые материалы автора (далее — ПМА). д. Воронки, Михайловский район. Рязанская обл., 1914 г.р.; д. Стубле, Михайловский район, Рязанская обл., 1906 г.р.

⁵⁷ ПМА. д. Самодуровка, Михайловский район, Рязанская обл., 1912 г.р.

⁵⁸ Крестьянские истории... С. 168.

⁵⁹ Там же. С. 169.

⁶⁰ ПМА. с. Октябрьское, Республика Алтай, 1938 г.р.

⁶¹ Рязанская деревня... С. 600.

Ведь к 1922 г. 85 % всей земли все еще находилось в общинном пользовании, а в 67 % общин произошел общий передел земель⁶².

В механизме передела общинных земель советская власть также унаследовала обычай в полной мере. Распределение земли «в соответствии с местными обычаями» отразило всю пестроту локальных норм, характерную и для дореволюционной общины тоже. Архивные материалы свидетельствуют о том, что даже в одном уезде могло существовать несколько вариантов передела. По сведениям из Раненбургского у. Рязанской губ., они имели разные сценарии: 1) земля делилась по числу едоков старше 12 лет; 2) поровну распределялась между дворами независимо от величины семьи; 3) земля, оставшаяся после наделения каждой семьи определенным количеством десятин, поступала в специальный фонд в распоряжении общества; 4) каждому двору полагались не менее 5 десятин земли и усадьба, после чего оставшуюся землю делили между всеми работниками⁶³. Был легализован и традиционный дисциплинирующий принцип обычного права: из-за «лености хозяев» земельный надел мог быть отобран⁶⁴.

В доколхозной деревне были востребованы традиционные способы закрепления неписаного права на имущество внутри домохозяйства, в т.ч. земельный пай. В 1920-е гг. в регулировании имущественных споров при семейных разделах все еще использовали жребий. По словам жительницы с. Ласицы Сасовского района Рязанской области 1920 г.р., в девять лет, т.е. в 1929 г., ей довелось участвовать в распределении долей: «Жербий — это когда отец делит и раскладывает пай какие... Отцов племянник делил свой пай и его жербий трясли. В шапку сыпали бумажки закатывают. А там написано, кому чего. Меня заставляли вытаскивать. Я еще девчонкой была. Это я помню... Вот сани старые и поновее, кому какие? Жербий»⁶⁵.

При разделе семьи продолжали проводить обряд разрезания хлеба, закреплявший совершившийся акт в символической форме: «Хлеб резали, когда делили. Дедушка нас отделял. Хлеб пополам резал. Это обязательно. Каравай. Половинку дома оставляли, половинку тому, кто уходит»⁶⁶.

После революции какое-то время сохранялись не только обычно-правовые правила и ме-

ханизмы наделения земель и передачи прав на ее использование, направленные на максимально справедливое «поравнение» в соответствии с качеством почвы, но и сложившаяся, общепринятая на местах условная топонимика. Из дневника крестьянина И. Глотова: «С 1 октября 1918 г. приступили к общему переделу всей деревней податной и луговой земли сроком на 20 лет с уравниванием через 10 лет. Сенокос мною получен: *у избушек* за 43 пуда III сорта; *Сухое* за 12 пуд II сорта; *Шатровик* пожня за 63 пуд II; над *Шеймой* за 30 пуд I; Шатровик полянки за 10 пудов поляночной развод. Лога за 30 пудов; *Земленишно* пожня Ивана Артемьевича и Дмитрия Евстратьевича за 20 пудов запасной фонд Семена Кладовикова, раздел в полях над Шеймой ниже своей пожни за 10 пуд. В речном поле в трех заполосках, в I логу с Иваном Михайловичем и Иваном Ивановичем Кладовиковыми... В 1919 г. летом сенокос уже по-новому разделу и овес сеяли то же самое по-новому. Рожь жали вместе и делили суслонами»⁶⁷.

Современные жители деревни до сих пор вспоминают о старом порядке установления границ земельных наделов: «Раньше у всех стариков свои участки были, колхоза не было, были луга. Старики рассказывали. Каждый знал свой участок... Были делянки. Вынимали бумажки, кому Ореховец, кому Хвощи достанутся. У нас много лугов, все названия разные. Большой луг, Хомочкино, Седьмые Нивы, Перетенья, Путановка. Делил бригадир от колхоза. Все соберемся бросают жребий, кому че достанется. Колышки ставили. Это когда Большой Луг делили, тут стали делить. Чуть не косами дрались за участки. Давали 8 тонн накосить. Каждый год разные участки. На колышках писали фамилии химическим карандашом»⁶⁸.

Фиксация границ крестьянских наделов (а их было много даже у одной семьи в силу их разного предназначения: полевые озимые и пр., луговые, усадьбы) представляло собой сложную обычно-правовую систему, адаптированную к конкретному природно-географическому ландшафту. Она была привязана к ориентирам на местах, имевшим неповторимые топонимические обозначения и известные лишь крестьянам той или иной деревни. Ее главными опорными точками были межевые знаки, фикси-

⁶² Миронов Б.С. Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 483.

⁶³ Рязанская деревня... С.XXVII.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ПМА. с. Ласицы, Сасовский район, Рязанская обл.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области 1915—1931 годы. М., 1997. С. 60—61.

⁶⁸ ПМА. д. Аверькиевы, Спас-Клепиковский р-н, Рязанская обл.

ровавшие границы земельных владений крестьян, пусть в силу периодических переделов и временных. Они «протоколировали» право крестьянина на землю и одновременно защищали от посягательств на него.

В 1920-е гг. краеведы еще наблюдали межевые знаки на полях. Тогдашние обследования Спасского, Михайловского, Елатомского уездов Рязанской губ. и Меленковского уезда Владимирской губ. позволили им составить описание мет, рубежей, граней, уконов, т.е. условных знаков, которыми маркировали те или иные уголья. По их наблюдениям, грани натысывались на деревьях, пнях, столбах; они указывали направление межей. Рубежи выделяли у оврагов, ручьев, рек и называли живыми рубежами. На пашне рубеж оставляли в виде неспаханной полосы в сажень или полторы шириной. Межи проводили сохой с углублением в две пропашки. Мету (или знамя) клали на деревьях топором, натысывая или нарубая на толщину коры, слегка захватывая древесину. В лугах на дерне мету клали тоже топором. На пашне на конце загонов, ближайших к дороге, пропахивали сохой во всю ширину загона и на две-три сажени длиной (высотой)⁶⁹.

В памяти старожил до сих пор живы воспоминания о земельных знаках. Так, жительница Сасовского р-на Рязанской обл. рассказывала о единоличном хозяйстве: «Тогда-то были до того настырные все и домысленные. У каждого был, может, по пяти-шести загончиков: и хорошая. И плохая, и средняя, и никуды не годная. Загны метили по-старинному. Каждый свою примечает. Межи были. Межа была ровная. Распускали по меже полынь. У кого-то колушки стояли»⁷⁰. В с. Ерахтур (Шиловский район, Рязанская обл.) в качестве метки вырубали землю на «загоне» и «на десятине»⁷¹. (Крестьянский земельный «лексикон» из XIX в. оказался настолько устойчивым, что он все еще фигурирует в интервью с респондентами в XXI в.) В с. Поляки Шиловского р-на на лугах вырезали квадраты дерна, на огородах ставили колышки, а полевой надел отделяли межей. В с. Борок того же района до 1930-х гг. вырезали на полях знаки из дерна, после коллективизации на покосах устанавливали «столбушки» и писали на них мелом. В Шилковском районе Рязанской обл. на выделенных (на колхозных полях) под картофель сотках до середины 1960-х гг. еще можно было встретить колышки, на которых хи-

мическим карандашом были написаны фамилии и нарисованы знаки.

В 1920-е гг. крестьяне продолжали использовать систему мет. Они были отличительной формы и передавались по наследству. Если двор делился, то прежний знак переходил к выделившейся семье с добавлением новых отличительных деталей, а первоначальный, основной, вариант оставался у владельца / наследника старой усадьбы. Девушка, выходящая замуж, приобретала мету семьи мужа. Зять, принятый в дом, также менял знак собственности — он принимал и передавал по наследству семейную мету жены. Передача знака собственности происходила в соответствии с обычно-правовой практикой наследования всего имущественно-хозяйственного комплекса крестьянского двора по мужской линии по старшинству. Наличие общесемейной меты в 1920-е гг. свидетельствует о преемственности представлений о характере собственности у крестьян. Прежде всего, это касалось имущества двора и семейно-коллективного пользования единым хозяйственно-имущественным комплексом.

Домашний скот и птица тоже подлежали «инвентаризации»: у лошадей высекали знак на подкове или выжигали клеймо, коровам делали запилы на рогах или ставили бирочку на ухо; овцам вырезали особым способом уши (такой знак назывался «иверня») или привязывали разноцветные «шаболики» — кусочки ткани, ленты (с. Ласицы, Сасовский район, Рязанская обл.), или нитки — «серьги»; гусям надрезали или пробивали насквозь перепонки лапок; курам наносили на перья краску. Пастух обычно знал меты домашних животных всех жителей селения, где нанимался пасти скот. Он вел собственный его учет путем нанесения на длинный шест пометок о числе животных от каждого двора, чтобы затем правильно рассчитать плату за выпас.

Устойчивым было бытование и других знаков собственности: крестьяне помечали не только земельные наделы, но также орудия производства, утварь, предметы домашнего обихода: гребни, донца прялок, рубели, вальки, серпы, посуду, полотенца и пр. Меты на разных вещах крестьянского быта были зафиксированы и краеведами с. Которово Касимовского у. Рязанской губ. в 1926 г. У каждой из них было свое название: «вилы», «стропины», «крест без головы», «крест», «колодезь», «чаша в кругу», «яма», «ковш» и др.⁷² Широкое бытование

⁶⁹ Бакулин В.Д. К вопросу о гнях и метях // Вестник рязанских краеведов. (Рязань), 1925. № 4. С. 20—21.

⁷⁰ ПМА. с. Ласицы, Сасовский район, Рязанская обл.

⁷¹ ПМА. с. Ерахтур, Шиловский район, Рязанская обл.

⁷² Опись предметов крестьянского инвентаря с земельными метами, составленная священником с. Которова Касимовского у. Рязанской губ. Михаилом Николаевичем Цветаевым 8 дек. 1926 г. // Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края.

мет на орудиях производства в 1920-е гг. свидетельствует о том, что частное начало в крестьянском хозяйстве все еще сохраняло свою силу. Свои орудия труда метили, чтобы найти их потом после совместных работ. По словам респондента из с. Тюково (Спас-Клепиковский район, Рязанская область), «для человека челнок, чтобы его побыстрее найти, свою вещь на посиделках, ставили метку. У меток форма разная. Вдруг обнаружится пропажа. У каждой женщины был свой знак. Они повторяли на каждом предмете те же самые метки... У бердов тоже были такие меточки, потому что берда по окончании работы складывали в одно и то же место. Вот у меня самопряха, там тоже меточки... Мужчины тоже метили орудия труда... Топор, когда ходили в отход, косу». В с. Кошибеево (Савовский район, Рязанская обл.) рассказывали, что хозяйка узнавала свой серп по ручке: метку на ней ставили в виде зарубок или красили.

По воспоминаниям, помечали и предметы домашнего обихода. В частности, традиция семейной коллективной трапезы из общей посуды сохранялась до 1950-х гг. и далее — метили столовые приборы. Так, в 1920-е гг. в семье жительницы с. Новопанское (Михайловский район, Рязанская обл.) «замечены были ложки»: «Букву начертят. Буквы знали». Распространенным явлением было также нанесение меток на полотенца, салфетки, платки. В них отразились и метаморфозы крестьянского сознания, приметы нового времени, в частности, проникновение в деревню новой лексики. Например, на полотенце, вышитом для приданого жительницей д. Макеенки Касимовского уезда Рязанской губ., мы найдем аббревиатуру «М.А.Г.Ж.», что означало Мария Антоновна гражданка Живова.

В целом, несмотря на всю фрагментарность, полученная в ходе полевых опросов информация подтверждает данные письменных источников о том, что обычно-правовые инструменты регулирования земельно-хозяйственных вопросов в деревне применялись и в советское время.

В советской доколхозной деревне все еще соблюдалась очередность сельскохозяйственных работ в соответствии с христианским календарем, несмотря на активно проводившуюся новой властью антирелигиозную пропаганду⁷³. Так, по сло-

вам старожил, в Шиловском районе Рязанской обл. межевание происходило непременно в Петров день, тогда же ставили меты. (До революции Петров день был важной вехой для сельскохозяйственных работ — начинался сенокос, крестьяне готовились к севу озимых)⁷⁴. В крестьянских дневниках содержатся неоднократные ссылки на те или иные виды хозяйственных работ, приуроченные, согласно обычаю, к тому или иному церковному празднику. Так, например, А. А. Замараев 23 апреля 1920 г. сделал запись в своем дневнике о традиционной для деревни дате первого выгона скота, непременно сопровождавшегося православной службой: «Егорьев день. Молебен коров пасти»⁷⁵. Судя по дневникам, продолжалась и практика крестных ходов на засуху и / или неурожай: «Май. 10, воскресенье. Было молеbstво о дожде и крестный ход вокруг церкви. И после обеда небольшой дождик»⁷⁶. Согласно информационным сводкам, случаи массовых молебнов о дожде учащались в связи с длительной засухой или неожиданным похолоданием (об этом сообщали «наверх» райотделы милиции)⁷⁷. Информация о церковно-православных обрядах, проводимых в деревне обычным порядком, вкраплена и в текст дневника И. Глотова: «1922 г. 6 апреля. Священник ходил с иконами; 15 июля был на освящении воды на реке»⁷⁸. Да и в целом восприятие крестьянами времени и исчисление ими календарного года все еще опиралось на церковный православный круг праздников. Крестьянские дневники 1920-х гг. содержат многочисленные ссылки на христианский календарь. Из дневника А. А. Замараева: «1916 г. Апрель, 1-го, пятница 6-ой недели поста... 10-го, Светлое Христово Воскресение»; «1920 г. 5, воскресенье, Сочельник... 14 был у Сретения на отпевах... 28. Память преподобного Феодосия... февраль. 2-го, Мясное воскресенье... Понедельник масляной недели. 7, пятница Масляной недели... 10, начало Великого поста... март. 1-го, воскресенье Крестопоклонное»⁷⁹.

Советская доколхозная деревня унаследовала и обычно-правовую систему договорных отношений, сопровождавших повседневную жизнь крестьян. Устный договор оставался важнейшим способом урегулирования не только различных спорных ситуаций, но и ведения хозяйства, и

⁷³ Кузнецов С.В. Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские. М., 1997. С. 189–196.

⁷⁴ Некрылова А.Ф. Круглый год. Русский сельскохозяйственный календарь. М., 1991.

⁷⁵ Дневник тотемского крестьянина... С. 221.

⁷⁶ Там же. С. 223.

⁷⁷ Рязанские крестьяне... С. 672.

⁷⁸ На разломе жизни... С. 90, 99.

⁷⁹ Дневник тотемского крестьянина... С. 131, 217–219.

быта, и внутри- и межсемейных отношений.

В этот период еще не исчезла традиционная форма предбрачного договора. Он устанавливал, кроме прочего, время и условия проведения свадьбы. В некоторых деревнях его называли «напой» / «пропой». Этот обычай (сохранившийся, между прочим, до сих пор) имел важное значение – он закреплял новый статус молодых. Это была подготовительная ступень к свадьбе. И хотя сам по себе он не имел законной силы, отказ от свадьбы после предбрачного уговора (сговора / напоя / пропоя) мог повлечь за собой вполне осязаемые юридические санкции: пострадавшая сторона могла обратиться в суд с требованием возмещения убытков.

Важнейшую роль продолжала играть соседская помощь – обычай, хорошо известный по описаниям еще дореволюционной деревни⁸⁰. Согласно дневниковым записям крестьян, к ней часто прибегали при полевых работах и строительстве: «1920 год. 1 июля пришел косить Николай Александрович Пинаев с женой, косили весь день, спасибо им. 3. оклали в копны, а 4. суббота, сметали все. Было 20 копен. Помогал Санко Пинаев... 1921 год. Апрель. 29 Сажали картофель. Приходила помогать Граниславка из города»⁸¹; «1922 г. 15 апреля ходил пешком к избушкам, завершил сеновал и закрыл. Идя обратно, помог завершить сеновал в Заголите Владимиру Андреевичу... 29 апреля до обеда на Масленнике помог посеять жито Александру Андреевичу» ... 26 декабря ездил на помощь к Ивану Григорьевичу Горбунову»⁸².

В 1920-е гг. все еще широко бытовали обменные и долговые межсоседские отношения, в упорядочении которых определяющее значение также имел устный договор. Дневниковые записи крестьян этого времени подтверждают бытование разнообразных договорных отношений в деревне, призванных удовлетворить повседневные нужды крестьян: «дал взаимнообразно Павлу Федоровичу 3 зобеньки овса»⁸³; «1922 г. 13 марта ездил в село и в кооперативе выменял на жито 50 фунтов

соли фунт за фунт. Тая посолила мясо»⁸⁴; «едут за 200 верст, везут променивать последнюю муку и мясо»⁸⁵; «соли теперь дают все больше. За муку, 25 фунтов и 2 пуд. Соли за пуд муки, за масло 7 фунтов соли, яйца 4 фунта соли»⁸⁶; «1920 г. Декабрь 24 Сочельник. В городе не был, не знаю, что было или нет из привозного товару. Конечно, все мена – товар на товар»⁸⁷. Обменивались не только продуктами, но и взаимными услугами: «1922 г. 23 января... свез Мине хлеба и на Боровинку Ивану Григорьевичу 4 пуда 2 фунта ржи за рубку хлеба за 9 дней»; «27 января ездил на лога по сено к Сашке за пользование веялкой»⁸⁸; «1923 г. 28 марта. С Александром Андреевичем произведен расчет за мельничную работу с 28 декабря 1922 г. по 26 февраля 1923 года включительно, расчет произведен в чистую за сита, молоченье и мельницу»⁸⁹; «Фефилов принес сапоги мне и Толе хромовые, за работу взял с одной пары деньгами 7 руб с другой хлебом ржи 35 фунтов»⁹⁰; «1923 г. 17 апреля. Петр Кулаков подколлотил подметки под башмаки Тае – 3 фунта ржи. Толя отнес Пигастью за мельничную работу 10 фунтов ржи»⁹¹; «1921 г. Февраль 1. Сегодня один мужичок привез Другова за 180 верст и обратно опять 180 верст на своем содержании и лошадь. И за все это 16 фунтов соли»⁹².

Натурализация обменных отношений в столь трудные для хозяйствования годы распространялась и на сделки по купле-продаже: «1922 г. 6 февраля Ездили с Таей пировать на Куроптеву и по пути в Прилуке у Ивана Егоровича купили сеновал... за 2 пуда 20 фунтов ржаной муки»; «2 марта купил лычанное решето за 8 фунтов овса»; «24 июля. Купил серп 18 фунтов ржи, соли 1 пуд 10 фунтов за 1 пуд ржи»⁹³.

Трудовые отношения найма также регулировались сложившейся традицией. Для выпаса скота, как и прежде, приглашали пастуха на определенных (в каждой деревне своих) условиях: «1920 г. Апрель... 1. Сегодня подрядили пастуха из Гришинского: 1000 руб. денег с деревни, 2 фунта муки

⁸⁰ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян. М., 1986.

⁸¹ Дневник тотемского крестьянина... С. 225, С. 237.

⁸² На разломе жизни... С. 91, 211, 104.

⁸³ Там же. С. 225.

⁸⁴ Там же. С. 87.

⁸⁵ Дневник тотемского крестьянина... С. 231.

⁸⁶ Там же. С. 232–233.

⁸⁷ Там же. С. 227.

⁸⁸ На разломе жизни... С. 85.

⁸⁹ Там же. С. 123.

⁹⁰ Там же. С. 227.

⁹¹ Там же. С. 125.

⁹² На разломе жизни... С. 233.

⁹³ Там же. С. 85, 87, С. 101.

с коровы, 2 фунта картофеля, пирог и яйцо»⁹⁴; «1929 г. наняли пастуха Степана — 3 фунта жита, 2 фунта овса, 5 фунтов ржи»⁹⁵.

Сохранялось и обычно-правовое подтверждение разного рода договоренностей в виде магарыча, т.е. совместного распития вина. Об этой практике в 1920-е гг. имеются косвенные упоминания в спецсводках ОГПУ. В них отмечены случаи, когда в нем участвовали не отдельные лица, а целые группы и сообщества. Поводом могли послужить и наем пастухов, и покупка или продажа какого-либо имущества или скота, и достижение каких-либо коллективных договоренностей и др. Так, например, председатель Волинского сельсовета Попадьинской волости Рязанского уезда Матюшин «в первых числах апреля с.г. (1929. — С. К.) на собрании земельного общества предложил [для случки] своего беспородного быка за плату 20 фунтов овса с каждой коровы, а за согласие общества купил полведра водки, которую с его участием и роспили наниматели»⁹⁶.

Несмотря на требование новых властей оформлять трудовые отношения письменно, община продолжала придерживаться обычно-правовой традиции устного договора, пусть и в нарушение закона. Это было продиктовано практическими нуждами крестьян. Так, из письма предволкома В. Вербицкого в газету «Батрак» становятся понятны причины подобных правонарушений: «Узнаешь, например, что у какого-нибудь крестьянина живет батрак, приходишь к нему, начинаешь говорить, что необходимо заключить трудовой договор, а он отвечает: “От договора я не прочь, только вот совет, как узнает, что у меня работает батрак, так всегда налогу больше накладывает. Вы это для того и стараетесь больше договоров заключать, чтобы сельсовету было виднее, с кого налогу больше брать”. Другие же говорят: “Я с удовольствием найму батрака, потому что семья большая, работать некому, да вот боюсь, как бы за это голоса не лишили, сочтут кулаком. Вот тогда и не рад будешь, а без найма хозяйство разоряется”» (с. Порубежка Пугачевского уезда Самарской губ.)⁹⁷.

Подводя итоги, подчеркнем, что дореволюционные земельно-хозяйственные традиции и их регламентация оказались вполне востребованы и

в условиях советской доколхозной деревни. Более того, они были едва ли не единственной надежной точкой опоры новой власти в условиях кардинальных перемен и экономической нестабильности в пореволюционной деревне. Однако непосильные налоги и репрессивная социальная политика большевиков по отношению к наиболее благополучным домохозяйствам деревни («середнякам» и «кулакам») вызывали у крестьян настроения разочарования и апатии, впечатление краха привычного миропорядка: «Кончился и этот 20 год, но ничего хорошего он не принес. Народ стонет от большевизма, потому что у народа все взяли, а взамен ему ничего не дали... Завтра по нашему наступает новый год, но надежды на облегчение не видно»⁹⁸; «осенью 1918 года у меня конфисковали бесплатно хлеба 7 пуд. Весной и летом 1919 г. я отпустил по учету через волисполком до 25 пуд. хлеба... В конце 1920 года у меня конфисковали 4 пуд. хлеба и одну корову бесплатно, каковая конфискация чувствительно отразилась настроению моего семейства и мне, так как... конфискацией и принудительным отпуском хлеба за годы переворотов... сильно отразился упадок моего хозяйства»; «становится совсем не по желанию горькая, печальная, принудительная, невольная безвыходная жизнь. Все свое хозяйственное имущество и все свои новые распахки и сенокоса пропало и исчезло навсегда безвозвратно, все церковные праздники и торжественные службы и веселии пропало. Становился безвыходный принудительный труд, без всяких отговоров, хотя и нет трудоспособности и возможности... Нагим родился, нагим и умру»⁹⁹; «1930 г. К вечеру положение жизни обострилось: пришла весть, что опять вводят в кулаки и выселение неизбежно, вся энергия к работе упала, и жизнь уже стала не радостной»¹⁰⁰.

Для крестьян традиционный уклад в решении повседневных деревенских нужд в условиях революционных потрясений и становления нового права оставался залогом хоть какой-то стабильности, своего рода платформой для адаптации к изменившимся условиям жизни.

Советское официальное право, несмотря на всю противоречивость законодательных норм

⁹⁴ Дневник тотемского крестьянина... С. 221

⁹⁵ На разломе жизни... С. 225

⁹⁶ Рязанская деревня... С. 50.

⁹⁷ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998. С. 610.

⁹⁸ Дневник тотемского крестьянина... С. 232.

⁹⁹ «Дневные записки»... С. 38–39, 70.

¹⁰⁰ На разломе жизни... С. 234.

этого периода, также продолжало ориентироваться на обычай как один из источников социального, экономического и политического регулирования в деревне, инструментализировало его. Притом начатые новой властью коренные преобразования в деревне в 1920-е гг. способствовали, как ни странно, сохранению традиционного обычного права (даже расширению пространства его применения) как все еще эффективного инструмента управления крестьянским обществом. Однако далеко не всегда обычное право шло в ногу с советской властью. Иногда оно становилось подспорьем и даже поводом для выражения социального протеста.

Но постепенно менялась социальная структура деревни, нарастали противоречия между старшим и молодым поколениями, между мужской и женской половинами, между традицией и новым (классовым) законодательством. Семейные раздоры 1920-х гг. свидетельствуют скорее о тяге к эмансипации — поколенческой и гендерной, наконец, индивидуальной, — сдерживавшейся

традициями общины, неохотно уступавшей свои позиции. Трансформация семейного строя, дробление семей и домохозяйств, расслоение деревни политическое и экономическое на фоне лозунгов об обострении в ней классовой борьбы также усугубляли разобщенность, нарушали социальную однородность общины. Новый порядок подрывал крестьянские мечты о справедливости и земле, разрушал ее монолитность. Один из двигателей обычного права — коллективная воля — был подвергнут серьезному испытанию, надломлен.

Коллективизм станет главным вектором и основным лозунгом советской власти в деревне в 1930-е гг., когда начнется массовая организация коллективных хозяйств. Но это будет коллективизм, лишивший мечтавших о своей земле крестьян инициативы и стимулов, принудительный и репрессивный. И хотя обычное право еще долго будет сохранять свои функции регулирования деревенской жизни, в его компетенции останутся вопросы второстепенные — в основном организации общежития.

